

Борис Слуцкий: из элегиков в трагики

В мае исполнилось 90 лет со дня рождения Бориса Слуцкого.

Нельзя сказать, что был этот юбилей как-то серьезно отмечен. Это и понятно. Наше время характеризуется упадком интереса к поэзии, причем процесс этот всемирный, связанный с возникновением массового общества и массовой культуры. Теперь этот процесс дошел и до России, в которой всегда был громадный интерес к поэзии – к этому высокому, если хотите, элитарному искусству. Правда, в России имело место особое явление – сама поэзия была сделана масскультом. Такой масскультовый поэт – Евтушенко. Конечно, он человек поэтически одаренный, но главное в нем то, что он поп-звезда. Он и несколько других, выступив в литературе одновременно со Слуцким, его заслонили, потому что Слуцкий при всей своей кажущейся, даже подчеркнутой простоте – поэт элитарный, я бы сказал – поэт для эстетов. Но а сегодня в России совсем уж парадоксальная возникла ситуация: при всеобщей утрате интереса к поэзии поэтов сейчас много, и хороших поэтов, поэтическая культура чрезвычайно повысилась.

Вот такие парадоксы и надо иметь в виду, говоря сегодня о Слуцком.

Я бы назвал Слуцкого если не лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи, то последним советским поэтом. Дело в том, что советская эпоха как раз на Слуцком и кончилась. Говоря точнее, она кончилась на войне. Война с Гитлером была уже не советским эпизодом в новейшей русской истории, это уже чисто отечественное явление, недаром войну назвали, и правильно, Великой Отечественной. Она выпадает из контекста советской идеологии, из коммунистического мифа. Это очень сложно и очень интересно отразилось на Слуцком. Он вошел в поэзию в эпоху “оттепели”, сразу после смерти Сталина.

Биография его была образцово советская: фронтовик-политработник. Но, позволив Слуцкому печататься, власти не то что не слишком ему доверяли, а своим всё же не до конца чувствовали. Крайне интересно то, что Слуцкий пошел одновременно в печать – и в самиздат. Причем ничего антисоветского в его самиздатских стихах не было. Но он был другой, это очень чувствовалось. Дело не в том, что он резко талантлив, – были и другие талантливые поэты-фронтовики: Гудзенко, Наровчатов, Самойлов. Слуцкий был правокрен, испытан не только на фронте, но и во всякого рода идеологических мероприятиях, – а всё равно он был какой-то не такой. В этом смысле он был загадкой не только для властей, но и для поэтов. И это связано с тем изломом времени, о котором я говорил. Этот излом и был Слуцкий.

Вот что пишет, вспоминая Слуцкого, его друг-оппонент Давид Самойлов:

- Он воротился в Москву в сентябре 1946-го... ..На другой день после приезда Слуцкого пришел Наровчатов. ...Наша тройственная беседа происходила в духе откровенного марксизма. ...Соглашение с Западом окончилось. Европа стала провинцией. ...Отсюда резкое размежевание идеологий. ...Тактикой, как видно, мы считали начало великодержавной и шовинистической политики. Ждали восстановления коминтерновских лозунгов.

А вот еще более интересное – высказывание самого Слуцкого из его прозаических “Записок о войне”, опубликованных уже в постсоветское время. Он говорит здесь о том, как война отразилась в общественном сознании:

- Распространение получили две формы приверженности к существу: одна – попроще – встречалась у инородцев и других людей чисто советской выделки. Она заключалась в том, что существо было слишком разумным, чтобы стерли его немцы в четыре месяца – от июня до ноября. Эта приверженность не колебалась от поражения, ибо знала она, что государственный корабль наш щелист, но знала также, что слишком надежными плотничьими гвоздями заколачивали его тесины. Вторую форму приверженности назовем традиционной. Она исходила из страниц исторических учебников, из недоверия к крепости нашествователей, из веры в пружинные качества своего народа. Имена Донского, Минина, Пожарского, для инородцев заведомо чуждые, сошедшие с темных досок обрусительских икон, здесь наливались красками и кровью. Две эти любви, механически сшитые армейскими газетами, еще долго жили порознь, смешливо и враждебно поглядывая друг на друга”.

Вот этой казенной газетной шивки не было у Слуцкого – а некое органическое слияние. На уровне сознания превалировало старое, коминтерновское отношение к войне; недаром сразу после войны им владела иллюзия какого-то торжества мировой революции в европейском масштабе, а всё прочее воспринималось “тактикой”. Но реальность войны, реальность истории не могла пройти мимо Слуцкого – он сам в этой реальности пребывал четыре года. Реальностью же, в конце концов, осознал и послевоенный сталинский империализм. Иллюзий – “коминтерновских” - больше не стало, но возникла, стала строиться некая поэтическая иллюзия. Слуцкий писал о войне в каком-то плюс-квям-перфекте, как о давно прошедшем, она уходила у него в некую ностальгическую дымку. Бедой нельзя пренебречь, победой нельзя не гордиться – но это уже как бы отдаленная эпоха, поистине история, и не та, в которой ты участвовал, а как бы написанная в старой, антикварной, “античной” тетради, только сейчас обнаруженной под обломками эпохи. Некая археология войны – и всей советской истории. Персонаж стихов Слуцкого, его “лирический герой», как тогда говорили, - юноша-комсомолец, “коминтерновец”, осознающий глубину и трагедийность русской истории. И жалеешь об исчезнувших иллюзиях, и становишься одновременно из мальчика мужем. Короче и проще говоря, советская эпоха в стихах Слуцкого кончилась.

Слуцкий – это советская элегия.

И тут возникает у Слуцкого одна частная тема, нынче игрой всё тех же русских судеб снова ставшая актуальной, - тема Сталина. Слуцкий понял, кто такой Сталин, и написал об этом стихотворения, ставшие бы хрестоматийными, если б сейчас правильно хрестоматии составлялись: например, “Бог” или “А мой хозяин не любил меня”. Но он от Сталина не отказывается, потому что это реальность истории и судьбы. Но и не возвеличивает его, как пытаются нынче. Сталин у Слуцкого существует в контексте трагедии, а не сусального мифа - о первом герое войны, “русском имени” и эффективном менеджере.

Эволюция Слуцкого – а она была, Слуцкий в общем его корпусе оказался не столь монолитным и односторонним, как казалось при жизни, - это эволюция от трагического, но не осознанного опыта к трагическому мировоззрению. Слуцкий-элегик стал Слуцким-трагиком.

Автор: Борис Парамонов © Радио Свобода КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 2971 29.05.2009, 17:11 🔄 250
URL: <https://babr24.com/?ADE=78047> Bytes: 6282 / 6282 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)